

Зейн ал-‘Абидин Ибрахими

(Кирман, Иран)

**ПРИЧИНЫ И ДОКАЗАТЕЛЬСТВА
РАЗНОГЛАСИЙ АХМАДА АХСА’И
С ВОЗЗРЕНИЯМИ МУХЙЙ АД-ДИНА ИБН АЛ-‘АРАБИ**

В этой краткой статье я постараюсь изложить основные причины разногласий между выдающимся шиитским мыслителем шейхом Ахмадом Ахса’и и Мухйй ад-Дином Ибн ал-‘Араби.

Разумеется, всякий, кто читал труды шейха Ахса’и — например, «Рештское послание» или «Комментарий к „*Машā’ир*“ Садры», или им подобные произведения — заметил его открыто выраженное и упорное несогласие с Ибн ал-‘Араби, Газали и теми мыслителями, которые в том или ином аспекте и в той или иной мере разделяют их воззрения. Шейх Ахса’и, можно сказать, встречает их во всеоружии, видя в них явную угрозу исповедуемым им ценностям, и при помощи оружия доказательств пытается устранить опасность, которую те, по его мнению, представляют. Если для того, чтобы лучше постичь основу мировоззрения Ахса’и, мы станем прилежно изучать его работу «Толкование великого совокупающего странствия» (*Шарх аз-зийāра ал-джāми‘а ал-кабīра*), то вскоре поймем, что суть его воззрений и взглядов заключается в неукоснительном следовании пророку Мухаммаду и в подражании всем членам его рода. Истина для Ахса’и заключается в согласии с ними, а ложь — в несогласии с четырнадцатью святыми душами. Шейх считает, что его учение и мировоззрение находятся в полном согласии с Кораном и преданиями людей из рода Мухаммада. Он неоднократно сверял свои мистические переживания и видения с Кораном и преданием и убеждался в их полном согласии с последними. С его точки зрения, всякая мысль и всякое толкование истин ислама и творения Творца, которое сбилось с пути имамов или находится с ним в явном несогласии, является попыткой подменить или исказить действительность и истинную сущность мира, или даже богоборчеством. Иными словами, по мнению Ахса’и, смысл правильного постижения истинной сущности мира и мудрости, в которой, по слову Бога, таится большое благо, заключается в том, чтобы блюсти чистоту шиизма. Мерилом и весами последней, по мнению

шейха, должны служить Коран и предание, передаваемое от рода Пророка. Шейх Ахса’и критиковал Ибн ал-‘Араби, учившего о единстве бытия и сущего и считавшего себя «печатью святых», руководствуясь именно этими критериями. Кроме того, из некоторых намеков последнего можно заключить, что тот, в некотором смысле, ставил себя выше печати пророков, а также причислял Фараона к числу спасенных. Похоже, что он также верил в свою способность вознестись в высшие миры. Помимо этого, он утверждал, что видит некоторых шиитов в облике свиней.

Если бы подобным образом высказывался человек, к словам которого не прислушиваются другие, возможно, это осталось бы без последствий. Однако под его воздействие попали как отдельные суфии и суннитские ученые, например Ша‘рани¹, так и некоторые шиитские ученые, склонные к мистицизму, например Кади Нураллах Шуштари², которые также защищали его, аллегорически толкуя его высказывания, находившиеся в явном противоречии с шариатом. Шейх Баха’и, невзирая на некоторые свои разногласия с суфиями, также иногда хвалил его. Мулла Садра Ширази, испытавший влияние Ибн ал-‘Араби во многих областях своей мысли, с похвалой отзывался о его мнении о конечном спасении Фараона, говоря, что от этих слов веет духом истины (однако, в отличие от Ибн ал-‘Араби, он остерегался открыто высказать свое мнение по этому вопросу, чтобы не перечить явно Корану и преданию). Мирза Мухаммад Ахбари, используя аллерию при разборе его высказываний, также пытался представить его в качестве великого ученого, мистика и чудотворца. Кроме того, он, так же как и другие ученые, пытался выдать Ибн ал-‘Араби за шиита-двунадесятника (невзирая на то, что последний причислял ‘Умара бен Хаттаба к числу непорочных, при том, что ничего подобного не утверждал ни сам ‘Умар, ни кто-либо из суннитов), а также считал его, наравне с Абу Бакром, ‘Усманом и аббасидским халифом Мутаваккилем, другом Божьим и обладателем внешнего и внутреннего наместничества (тогда как Мутаваккиль преградил доступ воды к гробу имама Хусейна, чтобы разрушить его, а о том, как относились к шиитам другие «полюсы», хорошо известно из истории).

Шейх Ахса’и полагал, что попытки выдать за шиита человека, исповедовавшего подобные воззрения, свидетельствуют о забвении совершившими их людьми всякого шиитского знания. Многие из воззрений Ибн ал-‘Араби не согласуются даже с ключевыми положениями ислама. Например,

¹ ‘Абд ал-Ваххāб б. Ахмад аш-Ша‘рāни (897/1492–973/1565) — египетский суфий умеренного толка, известный как популяризатор идей Ибн ал-‘Араби (*примеч. пер.*).

² Қадї Саййид Нураллах Шуштарї (956/1549–1019/1610) — шиитский суфий-нурбахшит из рода мар’ашитских саййидов, автор известного биографического труда «Собрания верующих» (*Маджәлис ал-му’минин*). В молодости эмигрировал из Ирана в Индию, был судьей в Лахоре. По приказу императора Джахангира был избит до смерти за отказ отречься от своих шиитских воззрений (*примеч. пер.*).

все сунниты полагают, что никто из людей не стоит выше Пророка и не занимает более высокой стоянки, чем он. Если же верить сообщаемому Ибн ал-'Араби преданию, Пророк якобы спрашивал у Билала Хабаши: «Благодаря какому поступку ты опередил меня и достиг рая прежде меня, так что, где бы я ни ступал в раю, я слышал шум твоих удаляющихся шагов?». Билал ответил: «О пророк Божий! Я никогда не испражнялся, не совершив после этого малого омовения, и я никогда не совершал омовения, не совершив вслед за этим два рака'ата молитвы и не подтвердив, что признаю тебя Пророком». Тогда Пророк сказал: «Ты опередил меня этими двумя рака'атами». Затем Ибн ал-'Араби пересказывает свой сон и толкует его таким образом, который позволяет ему утверждать, что он является печатью святых, при этом намекая на то, что его стоянка выше стоянки печати пророков. Он рассматривает этот вопрос в своей книге «Геммы мудрости» (*Фуṣṣ al-ḥикам*). Он утверждает, что, с точки зрения своей святости, печать пророков относится к печати святых так же, как, с точки зрения пророчества, пророки относятся к нему самому. Тем самым он ставит печать пророков ниже печати святых. Он добавляет, что следы этой святости уже явлены в нем и он надеется, что они достигнут своей полноты.

Ввиду подобных утверждений, явно противоречащих основным положениям ислама в целом и шиизма в частности, шейх Ахса'и считал, что следует называть Ибн ал-'Араби «умертвителем религии» (*мумйт ад-дйн*), а не «оживителем ее» (*мухйй ад-дйн*).

Следует, однако, признать, что Ибн ал-'Араби обладал глубокими познаниями во многих науках. Отвергнуть его наследие целиком — проще простого, но невозможно отрицать тот факт, что, разъясняя свои философские воззрения, он демонстрирует глубокую эрудицию. Иногда он излагает свою точку зрения таким способом, который является особо привлекательным для любителей мудрости и философии (в том числе, современных). Шейх Ахса'и, как последователь учения Мухаммада и его рода, приложил много усилий, чтобы показать, что Ибн ал-'Араби представляет истинную сущность вещей в превратном виде. Ахса'и был уверен в том, что божественная самость непознаваема, ибо познающий и познаваемое должны быть однокоренными вещами, тогда как между Богом и тварью нет ничего общего и они не соучаствуют даже в бытии: бытие Бога отличается от бытия твари тем, что противоположность второго — т.е. небытие твари — возможно представить, тогда как небытие Бога не представимо. Следовательно, бытие Бога есть бытие, не имеющее ничего общего с бытием твари, и разницу между этими двумя бытиями нельзя свести к силе и слабости (т.е. к различии в интенсивности. — *Пер.*). Таким образом, Бог и тварь не соучаствуют ни в чем, и утверждение о единстве бытия Бога и твари — ложно. Познание Бога сводится к познанию Его атрибутов, которые сотворены и не принадлежат к Его самости. Эти атрибуты проявляются на разных

стоянках Мухаммада и его рода, как свидетельствуют об этом передаваемые от них предания и стихи Корана. Поэтому мы должны пересмотреть свое мнение об этих великих людях и должны перестать считать, что они — таковы же, как все остальные люди, с тем лишь отличием, что они более богобоязненные, более стойкие в вере и обладают большим знанием, чем другие.

Правильный взгляд на них заключается в том, чтобы признать, что они занимают особое место и положение в устройстве мира, предположить отсутствие которого невозможно. Иными словами, они являются необходимым звеном в цепочке нисхождения милости со стоянки божественного желания (*mauif'a*) на остальную тварь. Всякая милость, будь то бытие твари или что-либо другое, творится и оказывается Богом посредством Мухаммада и его рода. Наиболее совершенными местами проявления Бога в форме человеческого существа в этом мире и местом проявления тех внутренних стоянок, на которые указывают имена и атрибуты Творца, являются четырнадцать чистых душ, то есть Пророк, его дочь Фатима и двенадцать имамов.

Разумеется, из-за ограничений, действующих в месте проявления, то есть в этом дольнем мире, не все стоянки могут быть воплощены в человеческих существах. Однако эти четырнадцать являются окнами в иные миры, и все, что может проявиться из тех миров в этом мире, проявляется через них. В наше же время всякое божественное предопределение нисходит в этот дольний мир при посредничестве скрытого от людских глаз Господина времени.

Ахмад Ахса'и считает, что скрытые сущности и стоянки чистых имамов являются неотъемлемой частью устройства мира и связующим звеном между Творцом и тварью. Ссылаясь на передаваемые от непорочных предания, он утверждает, что постичь мир таким, каков он есть на самом деле, можно только посредством позаимствованного у них знания, ибо в действительности постичь мир означает постичь некоторые из стоянок. Поэтому для него неприемлемы притязания Ибн ал-'Араби на то, что он достиг ступени, на которой может самостоятельно постигать сущность мира, и поэтому уже не нуждается в посредничестве имамов, заимствовании от них и дружбе с ними. Даже когда он выказывает признательность к некоторым из них, она сочетается с враждебностью к их последователям (например, в утверждении, что Божьи друзья видят их в образе свиней). Восхваляя врагов имамов и клянясь в дружбе с ними, он тем самым волей-неволей проявляет внутреннюю враждебность к самим имамам.

В силу распространенности подобного рода воззрений и сопутствующих им мнений, однозначно свидетельствующих о том, что исповедующий их сбился с просторного пути истины, шейх Ахса'и ополчился против этих взглядов, настаивая на том, что принесенную Мухаммадом и его родом

религию нельзя получить от другого, и что устройство мира, сотворение человека, начало его бытия и его восстановление и определение его конечной судьбы, а также истинное познание (в частности, познание того, что полезно, а что вредно для человека) не может совершиться иначе, как через посредничество четырнадцати чистых душ.

Перевод с персидского Я. Эиотса